

References

1. Moore M. H. *Creating Public Value Strategic Management in Government*. Harvard Univ. Press, 1995.
2. Cole M., Parston G. *Unlocking Public Value*. John Wiley & Sons. Inc, 2006.
3. Cresswell A. M., Burke G. B., Pardo T. A. *Advancing Return on Investment Analysis for Government: A Public Value Frame-work*. New York, 2006.
4. Kelly G., Mulgan G., Muers S. *Creating Public Value: An analytical Framework for public services re-form*. London : Cabinet Office, 2002.
5. Coats D., Passmore Ye. *Public Value: The Next Steps in Public Service Reform*. London : The Work Foundation, 2008. Rezhim dostupa: http://www.theworkfoundation.com/as-sets/docs/publications/201_PV_public_service_reform_final.pdf, svobodnyy. Zaglavie s ekrana. Yaz. rus.
6. Horner L., Lekhi R., Blaug R. *Deliberative democracy and the role of public managers. Final report of The Work Foundation's public value consortium*. London : The Work Foundation, 2006. Rezhim dostupa: http://www.theworkfoundation.com/as-sets/docs/publications/107_Deliberative_democracy_and_the_role_of_public_managers.pdf, svobodnyy. Zaglavie s ekrana. Yaz. rus.
7. Yakimets V. N. Indeks dlya otsenki i monitoringa publichnoy politiki v regionakh Rossii // *Problemy vychisleniy v raspredelennoy srede: raspredelennyye prilozheniya, kommunikatsionnye sistemy, matematicheskie modeli i optimizatsiya* : tr. In-ta sist. analiza RAN / pod red. A. P. Afanaseva. M. : URSS, 2006, vol. 25, pp. 138–147.
8. Yakimets V. N. Indeks dlya otsenki i monitoringa publichnoy politiki // *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast: opyt razvitiya i vzaimodeystviya*. M.: RAPN ; ROSSPEN, 2008, pp. 107–121.
9. Yakimets V. N. Sostoyanie grazhdanskogo obshchestva i publichnoy politiki v subektakh RF: indeksy, regionalnaya spetsifika i mezhregionalnye sravneniya // *Otsenka sostoyaniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva Rossii: problemy, instrumenty i regionalnaya spetsifika* : tr. In-ta sist. analiza RAN. M. : 2010, vol. 57, pp. 113–128.
10. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. Tipologiya publichnoy politiki v rossiyskikh regionakh // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011, no. 3, pp. 56–66.
11. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. Publichnaya politika v regionakh Rossii: tipy, subekty, instituty i sovremennyye vyzovy // *Politicheskie issledovaniya*. 2011, no. 1, pp. 80–92.
12. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. Analiz otsenok predstaviteleyami grazhdanskogo obshchestva i vlasti sostoyaniya publichnoy politiki v regionakh Rossii // *XII Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* : v 4 kn. ; pod red. Ye. G. Yasina. M. : ID VShE, 2012, vol. 1, pp. 225–234.
13. Yakimets V. N. Otsenka sostoyatel'nosti institutov i mekhanizmov publichnoy politiki // *Setevye resursy i praktiki v publichnoy politike*. Krasnodar : Prosveshchenie Yug, 2012, pp. 236–241.
14. Vishnevskaya A. V. Uvod zemli iz-pod nog // *Delovaya sreda*. 2013, no. 3 (25).
15. Isaeva Ye. A. Dialogovye ploshchadki vlasti i obshchestva v Yaroslavskoy oblasti: otsenka effektivnosti // *Strategiya poiska balansa mezhdu stabilnostyu i razvitiem: sootnoshenie vlastnogo i obshchestvennogo vybora : mat-ly III Vseros. simpoziuma*. M. – Istra, 2013, pp. 88–90.
16. Smorgunov L. V. Slozhnye seti i demokratcheskii protsess v Rossii: novyye vozmozhnosti i ogranicheniya // *Kuda poydet Rossiya: novyye vozmozhnosti i ogranicheniya razvitiya : mat-ly tez. uchast. II Vseros. simpoziuma s Mezhdunar. uchastiem*. M. – Istra, 2012, p. 24.
17. *Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu RF 12 dekabrya 2012 g.* Rezhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/news/17118>, svobodnyy. Zaglavie s ekrana. Yaz. rus.

**КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН:
НОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПОТОКИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук

Дипломатическая академия МИД РФ
119992, Российская Федерация, г. Москва, Остоженка, 53/2
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

Распад СССР повлек за собой появление на берегах Каспия и просторах Центральной Азии новых независимых государств, для которых разработка новых месторождений и потенциальные запасы углеводородных ресурсов открыли новые горизонты для развития.

Принципиально важным моментом стало формирование экспортных трубопроводов в широтном направлении, которые должны были прийти на смену трубопроводной архитектуре бывшего СССР. Последняя создавалась в направлении север-юг и предназначалась для управления потоками нефти и газа в интересах единого государства. В этом контексте изменение направленности энергетических потоков превратилось в одну из ключевых задач внешней и внутренней политики новых государств Каспийского региона и Центральной Азии, обладающих значительными запасами углеводородных ресурсов. Не случайно, в последние 15–20 лет борьба с участием региональных и внерегиональных игроков за доступ к нефти и газу Каспия и создание инфраструктуры для их транспортировки потребителям стала особенно интенсивной.

В последние двадцать лет странами Каспийского региона и Центральной Азии удалось сформировать новые энергетические потоки, а расположенные там месторождения по-прежнему рассматриваются в качестве источника углеводородных ресурсов, которые способны удовлетворить возрастающие потребности европейских стран и Китая в дополнительных объемах нефти и газа.

Энергетические потоки неразрывно связаны с углеводородными ресурсами Казахстана (газоконденсатное месторождение «Карачаганак»), Туркменистана (газовое месторождение Галкыныш) и Азербайджана (нефтяные месторождения Азери-Чираг-Гюнешли и газовое месторождение «Шах-Дениз»).

Ключевые слова: Каспийский регион, углеводородные ресурсы, энергетические потоки, трубопроводы

THE CASPIAN REGION: NEW ENERGY FLOWS AND NEW CHALLENGES

Zhiltsov Sergej S., D.Sc. doctor of (Political)

Diplomatic academy of the Russian Foreign Ministry
53/2 Ostozhenka, Moscow, 119992, Russian Federation
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

When the Soviet Union collapsed, newly independent states appeared on the shores of the Caspian, the horizons of which have significantly widened due to the development of hydrocarbon reserves. This has been essentially promoted by the formation of export pipelines in the east-west direction. We will note that the Soviet pipeline system was created in the north-south direction and intended for managing flows of oil and gas in the interests of the entire state. As for the new hydrocarbon-rich states of the Caspian Region, changing the direction of energy flows has become a key task of their foreign and domestic policy. It is no accident that in the last 15–20 years, regional and extra-regional players have become involved in an extremely intense fight for access to the Caspian's oil and gas, as well as actively engaged in building infrastructure for their transportation to the consumers.

In the past 20 years, the Caspian countries have succeeded in forming new energy flows and their fields are capable of satisfying the growing needs of the European countries and China for oil and gas.

Energy flows are irrevocably tied to the hydrocarbon resources of Kazakhstan (the gas condensate field of Karachaganak), Turkmenistan (the gas field of Galkynysh) and Azerbaijan (the oil field of Azeri-Chirag-Guneshli and the gas field of Shah Deniz).

Keywords: the Caspian Region, hydrocarbon resources, energy flows, pipeline

Контуры новой трубопроводной архитектуры. Исторически все прикаспийские республики были связаны со странами Запада только через территорию России. По этой причине, после распада СССР стратегия стран Каспийского региона была направлена, прежде всего, на создание новой архитектуры трубопроводов, которая являлась бы частью энергетического коридора Восток-Запад и шла в обход России.

Под влиянием внерегиональных государств формировались подходы стран региона. Повышенную активность в Каспийском регионе проявляли США, которые намерены были привлекать страны к субрегиональным транспортно-энергетическим маршрутам экспорта углеводородного сырья в обход России в интересах ведущих американских компаний. Не случайно, представители американской администрации в начале 1990-х гг. отстаивали идею: «российской нефти – да, российским трубопроводам – нет».

Согласно замыслам Вашингтона, новый каркас коммуникаций должен быть децентрализованым и опираться на многочисленные связи, идущие в разных направлениях. Фактически речь шла о создании новых трубопроводных маршрутов, переориентации существующих и будущих направлений поставок энергетических ресурсов, а также об изменении внешнеэкономических и кооперационных связей. Официально декларируемой позицией США по этому вопросу являлась стратегия многосторонних трубопроводов.

Ожесточенная борьба вокруг нефте- и газопроводов развернувшаяся со второй половины 1990-х годов, перестала быть в чистом виде экономическим соперничеством и превратилась в геополитическую борьбу за стратегию развития Каспийского региона. В нее активно включились прикаспийские страны, западные государства и нефтяные компании. При этом стратегия стран Каспийского региона была основана на масштабном привлечении иностранных инвестиций, укреплении стабильности в регионе, экономическом развитии за счет топливно-энергетического комплекса. Это подталкивало страны Каспийского региона к поиску альтернативных путей транспортировки природного газа и нефти.

Для прикаспийских стран трубопроводы превратились не только в самостоятельный источник доходов от транзита или непосредственной добычи углеводородного сырья. Не меньшее внимание было направлено на сам факт строительства нефтепроводов или их отсутствие. Развитие атрибутов демократической политической системы стран постсоветского пространства в этом регионе, принятие новых конституций, проведение альтернативных выборов – все это, безусловно, подняло престиж этих государств, сделав их ближе и понятнее для западных государств. Однако этого было явно недостаточно для осуществления долгосрочных инвестиций в экономику прикаспийских государств. Для привлечения масштабных финансовых ресурсов необходимо было создание более надежных гарантий стабильности, в качестве которых и должны были в последующем выступить нефтепроводы. Именно стабильность внутри каждой из стран, поддерживаемая правительствами и дополненная широким участием иностранных нефтяных компаний, могла стать точкой отсчета для нового более масштабного витка инвестиций в экономики государств Каспийского региона.

Администрация США ставила перед собой задачу изменить существующие нефтяные потоки, тем самым получив возможность управления регионом. При этом одним из главных и принципиальных условий, которого администрация США придерживалась с самого начала, – чтобы новые маршруты не проходили по российской или иранской территории. По этой причине

появился проект Баку – Тбилиси – Джейхан, рассматриваемый как основной экспортный трубопровод (ОЭТ), который обходил территорию России. США не уставали подтверждать, что поддерживают трубопроводную политику Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, которая была нацелена на то, чтобы освободиться или уменьшить зависимость от России в области доставки природного газа и нефти в страны Европы. Однако после распада СССР единственным и реально действующим маршрутом для доставки углеводородных ресурсов из этих стран оставалось российское направление. Данная ситуация подталкивала страны региона и внерегиональные государства к формированию новых экспортных маршрутов для углеводородных ресурсов.

Первым продвижением по пути создания коридора Восток-Запад стало введение в эксплуатацию трубопровода Баку – Супса в апреле 1999 года. По трубопроводу доставлялась азербайджанская нефть с месторождения Чираг. Проект нашел поддержку после дестабилизации ситуации в Чечне через территорию, которой проходила часть нефтепровода Баку – Новороссийск. Протяженность маршрута Баку – Супса, который проходил через территорию Грузии с дальнейшей транспортировкой нефти в черноморские порты Самсун и Фракию (Турция), Бургас (Болгария) и Одессу (Украина), составила 850 км. Пропускная способность нефтепровода должна была составить до 10 млн т нефти в год [3, с. 114].

К 1998 г. стало ясно, что планы США по развитию Афганского маршрута (имеются в виду две нитки газопровода и нефтепровода) затягиваются, и коридор Баку – Тбилиси – Джейхан стал основной планкой в политике Вашингтона в сфере освоения Каспийского региона. Активизация работ по продвижению маршрута Баку – Тбилиси – Джейхан вылилась в подписание на Стамбульском саммите ОБСЕ (18 ноября 1999 г.) Межправительственного соглашения о транспортировке каспийской нефти. Соглашение подписали президенты Турции, Грузии и Азербайджана. Кроме того, президентами Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Турции в присутствии президента США Б. Клинтона, специально прилетевшего в Стамбул, была подписана Межправительственная декларация «О принципах реализации транскаспийского трубопровода» (газопровода).

В тот период энергетические ресурсы являлись далеко не ключевым фактором интереса США к региону. Они выступали скорее как инструмент управления геополитическими процессами на Евразийском пространстве, куда входит Каспийский регион и Центральная Азия. В соответствии с этим, основные дивиденды от усилий, предпринимаемых в регионе, США рассчитывали получить спустя десятилетия. Как писал З. Бжезинский, «Клинтон заслуживает признания за инициативу, которая в последующем стала препятствием для возрождения российского империализма. Таким препятствием является спонсируемый Соединенными Штатами нефтепровод Баку – Джейхан. Смысл этого нефтепровода в том, чтобы дать Западу прямой доступ к каспийской и среднеазиатской нефти» [2].

Появление альтернативных маршрутов нефти и газа шло параллельно с определением перспектив своего присутствия в регионе западными государствами. Американская администрация, входя в начале 1990-х гг. в Каспийский регион, только намечала контуры своей стратегии, в том числе и в области трубопроводного транспорта. США, в отличие от прикаспийских государств, ищущих в первую очередь экономические и политические выгоды, шли на берега Каспия больше из-за геополитических соображений. С помощью нефтяных компаний, транснациональных корпораций они начали укреплять свое влияние в регионе, тем самым создавая барьер для участия российских нефтяных компаний в разведке и добыче углеводородов Каспия и транспортировке их на внешние рынки [6, с. 197]. Аналогичная ситуация наблюдалась в политике ЕС, который постепенно, с помощью политико-дипломатических механизмов расширял свое присутствие в Каспийском регионе.

Активность крупных государств мира в Каспийском регионе, проявляющаяся в самых разных формах – дипломатических, экономических, военных и т.д., иллюстрирует, в конечном счете, основную геополитическую реальность: обостряющаяся соперничество за источники сырья, прежде всего, за энергоресурсы [10, с. 24]. Добыча и транспортировка углеводородного сырья на внешние рынки рассматривалась через призму кардинального изменения двусторонних и многосторонних отношений в регионе, создания новых транспортных коммуникаций и новой структуры экономических связей.

Азербайджан меняет энергетическую политику. Первоначально Баку делал ставку на добычу нефти, которая велась в стране с давних времен. В сентябре 2014 г. исполнилось 20 лет с момента подписания соглашения о разведке и разработке нефтяных месторождений Азери – Чираг и глубоководного Гюнешли. Данное соглашение получило название «контракта века» и рассматривалось в Баку в качестве отправной точки для начала увеличения добычи нефти и ее экспорта на европейский рынок. Тем более, что различные оценки говорили о наличии на азербайджанских месторождениях значительных запасов нефти.

Интерес к Азербайджану со стороны западных стран и нефтегазовых компаний определялся выгодным географическим положением. Страна могла поставлять нефть как в российском, так и в западном направлении. Азербайджанские углеводороды рассматривались западными странами в качестве дополнительного источника сырья, а в перспективе – в качестве альтернативы российским поставкам. Кроме того, внимание к Азербайджану усиливали многочисленные прогнозы о возможности в короткие сроки нарастить добычу значительных объемов нефти. В тоже время, длительное время Азербайджан не был конечной целью в политике западных стран, занимая в их планах промежуточное, транзитное положение для экспорта будущих объемов туркменских и казахстанских углеводородных ресурсов.

Энергетическая политика Азербайджана стала меняться в конце 90-х гг., после открытия новых запасов природного газа на месторождении «Шах-Дениз». Это поставило вопрос о разработке месторождения, а также о транспортировке газа на внешние рынки. Это усилило интерес Баку к новым проектам трубопроводов, которые должны были обеспечить выход азербайджанского газа на внешние рынки [4, с. 320].

В последние десять лет Баку стал активным участником различных трубопроводных проектов, привлекательность которых определялась прогнозами добычи газа на месторождениях Азербайджана и политической поддержкой ЕС. Так, длительное время Азербайджан поддерживал европейский проект газопровода «Набукко», который должен был поставлять газ в Турцию и в страны ЕС. Недостаточный объем азербайджанского газа для европейского проекта и переориентация Апхабада на Китай, который направил в свою сторону туркменский газ, не позволило реализовать амбициозный проект ЕС.

Неудачи с реализацией проекта газопровода «Набукко», который ориентировался на поставки туркменского и азербайджанского газа в Европу, скорректировал политику Азербайджана, который стал более активно реализовывать собственные трубопроводные проекты, идущие в направлении стран ЕС. Так, в последние несколько лет основные усилия Баку направлены на строительство трубопроводов, которые являются составной частью *Южного газового коридора*, который должен объединить уже реализованный газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум с новыми проектами: Трансанатолийским газопроводом (TANAP) и Трансдариатическим газопроводом (TAP).

Новый импульс реализации масштабного и амбициозного проекта был дан в сентябре 2014 г. Этому предшествовали многочисленные переговоры с Турцией, альянс с которой открыл Азербайджану реальную возможность для увеличения поставок газа на внешние рынки.

Строительство Трансанатолийского газопровода (TANAP) и Трансдариатического (TAP) должно быть завершено к 2019 г. Отправной точкой должно стать месторождение «Шах-Дениз», газ с которого в объеме 16 млрд м³ должен пройти через территорию Грузии, Турции, Албании и далее на юг Италии. Планируется, что поставки газа в Турцию составят 6 млрд м³ и 10 млрд м³ – в европейские страны. Разворот Азербайджана в сторону Балкан стал отражением ситуации, которая сложилась вокруг реализации ряда проектов газопроводов, предлагаемых ЕС.

Дополнительные объемы углеводородного сырья, поступающего из Азербайджана, создадут европейским странам возможности для «игры» с ценами на переговорах с Россией. Реальное усиление на газовый рынок Европы и политику России дополнительные объемы азербайджанского газа могут оказать значительно позже. Так, только в разработку второй стадии месторождения «Шах-Дениз», инвестиционное решение по которому было принято в декабре 2013 г., необходимо инвестировать порядка 45 млрд долл., которые пойдут не только в освоение месторождения, но и создание инфраструктуры.

В 2014 г. Азербайджан намерен был добыть 28 млрд м³ газа, а в последующие годы, с учетом имеющихся мощностей, выйти на уровень 30–32 млрд м³. Ввод в эксплуатацию второй очереди газового месторождения «Шах-Дениз» позволит Азербайджану ожидать увеличения добычи газа еще на 16 млрд м³. В результате, через 8–10 лет экспортный потенциал Азербайджана может составить порядка 25 млрд м³.

Баку рассчитывает на разведанные площади месторождений «Абшерон», «Умит» и «Азери – Чираг – Гюнешпи», где найден газ глубокого залегания. После разработки перспективных месторождений, Азербайджан может потенциально увеличить экспорт газа еще на 10 млрд м³, доведя его общий объем до 35 млрд м³. Однако появление дополнительных объемов углеводородного сырья может произойти не ранее 2025 г. К тому же, данные планы может скорректировать падение добычи на уже эксплуатируемых скважинах. Кроме того, объемы экспорта будут находиться под влиянием изменений, которые происходят на европейском газовом рынке: возможным увеличением поставок сжиженного природного газа и сланцевого газа из США.

Для транспортировки дополнительных объемов добываемого газа Азербайджан будет располагать газопроводом Баку – Тбилиси – Эрзурум, проектной мощностью в 16 млрд м³ и

Трансатлантическим газопроводом (ТАР) с проектной мощностью 10 млрд м³ с возможностью расширения до 20 млрд м³. Со строительством ТАР участие Азербайджана в Транскаспийском газопроводе теряет смысл, поскольку для Баку важно загрузить собственную «трубу».

Казахстанская нефть стремится на Запад. Идея реализации *Транскаспийского коридора*, как через строительство нефте- и газопроводов по дну Каспия, так и доставки углеводородных ресурсов танкерным флотом появилась после данных о наличии в Казахстане огромных запасов нефти. О строительстве Транскаспийского нефтепровода Актау – Баку стали говорить в середине 90-х гг. прошлого века и напрямую связывали с продвижением проекта Баку – Тбилиси – Джейхан. Инициаторы проекта считали, что «подключение» казахстанской нефти позволит максимально загрузить экспортный нефтепровод и усилит вовлеченность Казахстана в транспортировку каспийских углеводородов. Первоначальные планы предполагали завершить строительство трубопровода к 2003–2004 гг.

Трудности с разработкой месторождений в Казахстане и постоянный пересмотр прогнозов добычи нефти скорректировали планы строительства нефтепровода, но не уменьшили интереса казахстанской стороны к идее транспортировать нефть через Транскаспийский трубопровод. Подтверждением этому служат многочисленные заявления представителей Казахстана и подписанные соглашения с Азербайджаном в 1990-х и начале 2000-х гг.

Большое внимание Казахстан уделял Казахстанской каспийской системе транспортировки нефти (ККСТ), предназначенной для экспорта казахстанской нефти через Каспий танкерами. На первом этапе поставки танкерами по Каспию должны были составить до 10 млн т нефти. Мощность данной системы должна была вырасти до 38 млн т. Ввод системы в строй планировался на рубеже 2010–2012 гг., когда, как рассчитывали в Казахстане, должна была возрасти добыча на «Кашагане». В Казахстане считали, что участие в проекте Баку – Тбилиси – Джейхан позволит на практике реализовать принцип многовекторности в вопросах выбора транспортировки казахстанской нефти на внешние рынки. Исходя из подобных прогнозов, Казахстан реализовывал внешнюю политику в Каспийском регионе, подписывая различные соглашения с Азербайджаном о поставках нефти в нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

Не дожидаясь выхода новых месторождений на максимальный уровень добычи, Казахстан стремится диверсифицировать маршруты поставок своей нефти. В конце 2013 г. Казахстан принял решение о транспортировке углеводородных ресурсов через Каспий в объеме 4 млн т нефти. Из этого объема 3 млн т предназначена для нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, а 1 млн т должна оставаться до грузинского терминала Кулеви на Черном море.

Трудности, с которыми сталкивается Казахстан при добыче нефти, позволяет ожидать появления дополнительных объемов углеводородных ресурсов не ранее 2025 г. До этого момента прокачку казахстанских углеводородов на внешний рынок способны обеспечить действующие трубопроводы. Так, основными направлениями экспорта казахстанских углеводородов в ближайшем будущем будет выступать российское направление. Прежде всего, через трубопроводную систему Каспийского трубопроводного консорциума, мощность которого после 2015 г. должна возрасти до 67 млн т. И лишь затем Казахстану могут потребоваться дополнительные экспортные мощности, что повысит интерес к новым трубопроводным проектам, в том числе и к маршруту через Каспийское море. Впрочем, большинство прогнозов, касающихся разработки нефтяных месторождений в Казахстане, носят предварительные оценки. Это связано, прежде всего, с постоянными переносами начала добычи нефти на месторождении «Кашаган». Пока большинство заявленных планов относительно данного месторождения остается на бумаге, что ведет к снижению роли Казахстана в поставках нефти на внешние рынки, а соответственно, создает предпосылки для изменения расстановки сил в Каспийском регионе.

Несмотря на серьезные проблемы, связанные с освоением перспективных месторождений, Казахстан по-прежнему делает прогнозы, в которых ожидает увеличение добычи углеводородных ресурсов. Этот фактор определяет линию Казахстана при обсуждении экспортных маршрутов для потенциальных объемов углеводородных ресурсов.

Технологический капкан. Страны, расположенные на восточном побережье Каспия (Казахстан и Туркменистан) ограничены в реализации своей энергетической стратегии. Прежде всего, в силу своего географического положения, которое значительно снижало их шансы получить доступ к европейскому рынку. Кроме того, большое влияние имели отношения с Россией, которые развивались достаточно сложно. Однако главным фактором, который не позволил усилить позиции в нефтегазовой сфере, стали технологические трудности. В первую очередь, это коснулось Казахстана, который выстраивал свою энергетическую стратегию на основе ожиданий скорого начала добычи на нефтяном месторождении «Кашаган».

Дополнительный интерес к реализации проекта на «Кашагане» определялся отсутствием предпосылок для наращивания добычи на уже действующих месторождениях, многие из кото-

рых прошли пик добычи. В итоге, в последние годы добыча нефти в Казахстане практически не росла. Так, если в 2010 г. было добыто 81 млн т нефти, то в 2013 г. – лишь около 82 млн т. Хотя ранее в Казахстане ожидали выйти к 2015 г. на уровень добычи в 130–135 млн т. В целом, согласно оценкам министра энергетики Казахстана Владимира Школьника, максимальный объем добычи нефти в стране ожидается в 2031 г. на уровне 113 млн т. После этого ожидается постепенное снижение добычи нефти [1, с. 10].

Постоянный перенос начала добычи на «Кашагане» стал следствием отсутствия необходимых технологий, способных преодолеть сложные геологические условия, большие глубины залегания нефти, высокое пластовое давление, а также непростые климатические условия, которые существуют в северной части Каспийского моря. Все эти факторы затрудняют освоение нефтяного месторождения, пуск которого первоначально был назначен на 2005 г. Затем сроки многократно менялись.

Последний раз попытка начать добычу нефти на этом месторождении и осуществить ее транспортировку была предпринята в октябре 2013 г. Однако уже через два дня добыча была приостановлена после того, как были выявлены многочисленные трещины в трубопроводе. Они появились в результате воздействия на металл попутного газа с высоким содержанием серы. В итоге, возникла необходимость замены 200-километров трубопровода, по которому нефть и газ транспортируются с искусственного острова на Каспии на побережье. Полная замена трубопровода на «Кашагане» займет много времени, а применение труб, устойчивых к агрессивной среде значительно удорожит проект, в который уже вложены значительные средства. Если в самом начале разработки месторождения инвестиции в его освоение не превышали 10 млрд долл., то по мере осуществления подготовительных работ стоимость постоянно возрастала. По последним оценкам суммарные инвестиции могут превысить сто миллиардов долларов. В итоге, по предварительным данным устранение неполадок может продлиться до 2016 г. При этом нет никаких гарантий, что после этого начнется стабильная добыча нефти.

Китайский вектор. Наиболее успешными можно считать создание энергетического коридора из Центральной Азии в направлении Китая, который в последние годы трансформировался в проект *Великого энергетического пути*. Благодаря целенаправленной политике, которая подкреплялась значительными финансовыми ресурсами, Китаю удалось включить в орбиту своего влияния Туркменистан, который должен обеспечить Пекину надежные поставки природного газа на долгосрочной основе, и Казахстану, чье значение может возрасти в долгосрочной перспективе.

Для Китая страны Центральной Азии имеют стратегическое значение из-за наличия углеводородных ресурсов. Не случайно, главной темой, обсуждаемой в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, состоявшийся в сентябре 2013 г., стали вопросы дальнейшего расширения энергетического сотрудничества, которое Пекин рассматривает через призму своего текущего экономического развития и реализации долгосрочных интересов. Данный визит открыл новый этап внешней политики Китая в регионе. Было достигнуто соглашение о строительстве четвертой ветки газопровода Туркменистан – Китай мощностью 30 млрд м³. Первые три ветки были введены в строй в 2009, 2010 и 2014 гг. Строительство четвертой ветки должно быть завершено в 2016 г. Объем инвестиций должен составить около 6,7 млрд долл. В результате, объемы поставок газа по газопроводу к 2020 г. должны увеличиться до 80 млрд м³ ежегодно [11].

За последнее десятилетие Китай принял активное участие в проектах по развитию экономики стран Центральной Азии, превратившись в стратегического партнера. Взаимодействие с Пекином страны Центральной Азии в основном решают задачи экономического развития, добываясь, таким образом, социально-экономической стабильности. Китай, «бросая» в регион значительные финансовые ресурсы, соотносит потребности своей экономики в углеводородных ресурсах с геополитическими устремлениями.

Большое внимание Китай уделяет Казахстану, углеводородные ресурсы которого давно находятся в фокусе внимания Пекина. В ходе визита председателя КНР в Казахстан в сентябре 2013 г., китайская сторона подкрепила свои устремления соглашениями на сумму в 30 млрд долл. В соответствии с Декларацией о стратегическом партнерстве, подписанной лидерами двух стран стороны договорились углублять взаимодействие, и в первую очередь, в сфере энергетики. Пекин заявил о готовности продолжить участие в энергетических проектах. Прежде всего, в разработке новых месторождений, эксплуатация которых обеспечит увеличение добычи нефти и газа.

Расширению сотрудничества Китая со странами региона способствуют географическая близость и заинтересованность стран Центральной Азии в разработке месторождений нефти и газа. Мощным аргументом Пекина в продвижении своих интересов стали дешевые кредиты, а также готовность нести дополнительные затраты, прежде всего, связанные с развитием инфраструктуры стран Центральной Азии. В итоге, китайские нефтегазовые активы, приобретенные

за последнее десятилетие в странах Центральной Азии, стали мощным инструментом политического влияния Пекина в странах региона.

Масштабные проекты в сфере добычи и транспортировки углеводородных ресурсов выступают в качестве инструмента китайской политики в реализации долгосрочных интересов. Пекин рассчитывает установить контроль над перспективными месторождениями нефти и газа стран региона с целью их последующего интенсивного использования. Подобная ресурсная политика Китая в Центральной Азии лишает страны региона альтернатив развития.

Великий энергетический путь, продвигаемый Китаем в последние годы, направлен на расширение возможностей в осуществлении поставок углеводородных ресурсов и отсечении от каспийских и центрально-азиатских месторождений нефти и газа западных государств. Направленность данного пути задается Пекином и подчинена его долгосрочным интересам.

Будущее региона определяют прогнозы. Движущей силой развития энергетического сектора стран Каспийского региона остаются прогнозы добычи и экспорта нефти и газа. На их основе разрабатываются национальные программы развития топливно-энергетического сектора, они берутся за основу при обсуждении и продвижении будущих проектов трубопроводов. И хотя публикуемые с 90-х гг. прогнозы прикаспийских стран оказывались чрезмерно завышенными, тем не менее, они до сих пор оказывают сильное влияние на формирование внешнеполитического курса стран региона и диктуют дальнейшие шаги нефтегазовых компаний [6, с. 37–50].

Трубопроводная гонка, в которой страны Центральной Азии и Каспийского региона приняли самое активное участие, обнажили комплекс проблем, которые стали серьезным препятствием для формирования новых энергетических потоков. Ключевыми факторами стало отсутствие необходимой трубопроводной инфраструктуры и технологий добычи, стремление использовать инвестиции нефтегазовых гигантов в качестве противовеса российской политике.

Страны Каспийского региона и внерегиональные страны зачастую руководствуются математическим подходом, определяя сроки освоения каспийских месторождений и темпы реализации новых трубопроводных проектов на основании политических договоренностей и соглашений. Как правило, подобный подход здесь не работает, поскольку геополитические интересы и трудности с промышленным освоением вносят существенные коррективы, заставляя многократно пересматривать сделанные ранее прогнозы.

Стоит отметить, что планы по созданию прямого сообщения между восточным и западным берегом Каспия предпринимались давно. Так, в 50-х гг. прошлого века разрабатывался проект по строительству железнодорожного туннеля под Каспием, который должен был соединить Баку и Красноводск в Туркменистане. Трассу туннеля планировалось проложить на мелководной полосе с наибольшей глубиной в 150 м, находящейся на широте Апшеронского полуострова. Равные 150 километровые подъемы к двум берегам были настолько длинными, что уклоны получались незначительными и легко могли быть преодолены электровозом. В тот период это был первый проект туннеля, который должен был пересечь море. Однако технологические трудности и финансовые затраты, не позволили СССР осуществить этот грандиозный проект. После распада СССР, Каспийское море стали примерять на новые, трубопроводные проекты, которые также являются уникальными из-за сложностей, которые предстоит решить их разработчикам [8, с. 560].

Новые каспийские страны решили для себя одну из главных задач – привлекли средства зарубежных нефтегазовых компаний в энергетический сектор, который выступает в качестве локомотива развития экономики. Разработке месторождений нефти и газа руководство новых прикаспийских государств уделяло особое внимание. При политической поддержке западных стран были построены или находятся в стадии обсуждения новые проекты трубопроводов, которые закрепили страны региона в орбите интересов нефтегазового бизнеса и внерегиональных государств.

Для сохранения повышенного интереса к каспийским углеводородным ресурсам со стороны нефтегазовых компаний прикаспийские страны публикуют завышенные прогнозы добычи нефти и газа. Однако делать это становится все труднее, особенно с учетом огромных затрат, которые понесли нефтегазовые компании, но пока так и не увидели объемов, которые бы позволили каспийскому региону приблизиться ко «второму Кувейту».

Формирование энергетических потоков в Каспийском регионе может скорректировать политика Ирана, который все настойчивее заявляет о своих планах по увеличению поставок своего газа Европу. Пока речь идет об организации поставок газа в объеме 10 млрд м³. Для реализации подобных планов Иран намерен ускорить строительство необходимой инфраструктуры, которая позволит иранскому газу достичь европейских потребителей [9, с. 37–49]. Политическая изоляция Ирана, который в течении длительного времени был отстранен от обсуждения и реализации трубопроводных проектов, привел к искусственному конструированию трубопроводной архитектуры в Центральной Азии и Каспийском регионе [5, с. 21–22].

